

Манкиева Эсет Хамзатовна

ГЕНДЕР КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНСТРУКТ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭМЫ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА "БЕГЛЕЦ")

Исследование гендерного дискурса кавказоведческих произведений русских романтиков XIX века позволяет вывести закон соотнесенности понятий "мужественность" и "женственность" с потребностями исторического времени. Автор статьи на материале лиро-эпической поэмы М. Ю. Лермонтова "Беглец" крупным планом рассматривает образ социально активной, самоотверженной и героической матери, способной подавить свои биологические инстинкты в интересах этнического коллектива. Особое внимание уделяется вопросам интертекстуальной связи лермонтовской поэмы с фольклорными произведениями народов Северного Кавказа.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/12-3/9.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(78): в 4-х ч. Ч. 3. С. 35-38. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список источников

1. **Абдуразакова Е. Р.** Проблема хронотопа в историческом романе Д. Романенко «Ерофей Хабаров» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 9 (75): в 2-х ч. Ч. 2. С. 10-13.
2. **Бородкин Л. И.** Моделирование исторических процессов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.soc-phys.chem.msu.ru/rus/prev/zas-2014-03-18/presentation.pdf> (дата обращения: 19.01.2017).
3. **Бреева Т. Н.** Концептуализация национального в русском историософском романе ситуации рубежности: автореф. дисс. ... д. филол. н. Екатеринбург, 2011. 48 с.
4. **Валентинов А. В.** От автора // Валентинов А. В. Орфей и Ника. М. – СПб.: АСТ; Terra-Фантастика, 1997.
5. **Демидов В. П., Демидова Е. Н.** Историчность социального времени // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 4 (54): в 2-х ч. Ч. I. С. 47-49.
6. **Каплан В.** Динамо-машина, или Вечный двигатель фантастики // Если. 2003. № 3. С. 234-241.
7. **Кормилов С. И.** Современный словарь-справочник по литературе. М.: АСТ, 1999. 704 с.
8. **Ланин Б. А.** Трансформация истории в современной литературе [Электронный ресурс]. URL: <http://www.km.ru/referats/5CBV9E5AAC6E40ADA2C679288E36E6EE> (дата обращения: 20.11.2016).
9. **Липовецкий М. Н., Эткинд А. М.** Возвращение тритона: советская катастрофа и постсоветский роман // Новое литературное обозрение. 2008. № 94. С. 174-206.
10. **Нехамкин В. А.** Контрфактические исторические исследования [Электронный ресурс]. URL: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/134125/> (дата обращения: 19.01.2017).
11. **Осьмухина О. Ю., Махрова Г. А.** Специфика жанра романа альтернативной истории (на материале отечественной прозы 1990-х – 2000-х гг.) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2013. № 4. Т. 1. Филология. С. 50-59.
12. **Осьмухина О. Ю., Романов В. А.** Роман альтернативной мифологии в контексте современного отечественного фэнтези (на материале «Боргильдовой битвы» Ника Перумова) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. № 2. Т. 1. Филология. С. 67-75.
13. **Петухова Е., Чёрный И.** Современный русский историко-фантастический роман. М.: Мануфактура, 2003. 136 с.
14. **Роднянская И.** Гамбургский ежик в тумане // Новый мир. 2001. № 3. С. 159-176.
15. **Сорочан А. Ю.** Формы репрезентации истории в русской литературе XIX века. Тверь: Издательство Марины Батасовой, 2015. 448 с.
16. **Фурсов А. И.** Конспирология – веселая и строгая наука [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rikmosgu.ru/publications/3559/4210/> (дата обращения: 19.01.2017).
17. **Циплаков Г.** Битва за гору Миддл // Знамя. 2006. № 4. С. 183-196.

**FICTIONALIZATION OF HISTORY AS A METHOD
OF HISTORY REPRESENTATION IN RUSSIAN LITERATURE OF THE XXI CENTURY**

Lobin Aleksandr Mikhailovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Ulyanovsk State Technical University
amlobin@yandex.ru

The article examines the motives and tendencies of historical prose evolution in the XIX-XXI centuries. The researcher characterizes the new strategy to represent historical material in the XXI century discourse, identifies readership characteristics which determine the content and form of the modern historical prose, analyzes the basic features of historical fiction as its most relevant trend, describes conspirological and counter-factual principles to implement author's conception of history.

Key words and phrases: literature and history; Russian literature of the XXI century; methods to represent history; historical fiction.

УДК 882

Исследование гендерного дискурса кавказоведческих произведений русских романтиков XIX века позволяет вывести закон соотнесенности понятий «мужественность» и «женственность» с потребностями исторического времени. Автор статьи на материале лиро-эпической поэмы М. Ю. Лермонтова «Беглец» крупным планом рассматривает образ социально активной, самоотверженной и героической матери, способной подавить свои биологические инстинкты в интересах этнического коллектива. Особое внимание уделяется вопросам интертекстуальной связи лермонтовской поэмы с фольклорными произведениями народов Северного Кавказа.

Ключевые слова и фразы: русская литература; романтизм; Лермонтов; Северный Кавказ; гендер; образ матери; социокультурный конструкт; интертекст.

Манкиева Эсет Хамзатовна, к. филол. н.
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
aset.mankieva@mail.ru

**ГЕНДЕР КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНСТРУКТ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭМЫ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «БЕГЛЕЦ»)**

Одной из малоразработанных и актуальных проблем в современном кавказоведении является гендерный дискурс, обстоятельное исследование которого во многом может пролить свет на специфику взаимоотношений

мужчин и женщин в горском обществе как в историческом прошлом, так и в настоящем времени. В этом плане весьма ценным художественным материалом являются «кавказоведческие» произведения русских романтиков XIX века – А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого и других авторов, которые в силу биографического фактора хорошо знали и во всех тонкостях запечатлели многие контексты южнороссийской действительности, в том числе особенности женской субкультуры.

В нашей статье ставится цель на материале лиро-эпической поэмы М. Ю. Лермонтова «Беглец» (1839) рассмотреть гендерную картину горского мира, где по расстановке и статусу изображенных фигур можно сделать научно обоснованные выводы о конструировании гендера как феномена культуры. Вне всякого сомнения, любой этноколлектив высшее предназначение своих авторских или фольклорных произведений видит в «выработке и закреплении определенных феминных и маскулинных качеств» [4, с. 205]. В стилизованной восточной лермонтовской поэме нашли отражение социально одобряемые представления об истинной мужественности и женственности в контексте позапрошлого столетия.

Поэма «Беглец» основана на северокавказском фольклоре и имеет подзаголовок «Горская легенда». Среди историко-героических песен чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, адыгов, народов Дагестана можно встретить произведения, где воспевается образ героической матери, которая проклинает сына-труса. Яркие образцы такого гендерного архетипа представлены в монографии северокавказского искусствоведа Б. Г. Ашхотова [1, с. 16-19].

Несмотря на подчеркнута «маскулинный» заголовок поэмы, центральное место в ней занимает женщина, и что важно, это не хрестоматийный образ восточной красавицы, возлюбленной, сестры или супруги главного героя, а его престарелая мать. Архифабула «горской легенды» построена на том, что в результате ожесточенного боя с «неверными» погибли все воины племени, в живых остается лишь Гарун. Прибежав в родные края «быстрее лани», юноша бросается в объятия матери, но она вместо радостного приветствия в результате краткого, но в высшей степени напряженного диалога выносит сыну суровый приговор, фатально перечеркивающий всю его судьбу. По этой причине именно она становится ключевым персонажем произведения. Образ матери из всех действующих лиц поэмы в первую очередь отвечает представлению о совершенном художественном образе как сложном феномене, в котором целостно «интегрированы индивидуальное и общее, существенное, (характерное, типическое) равно как и средства их воплощения» [5, с. 32].

Мать Гаруна, будучи истинной дочерью своего народа, в полной мере усвоила весь набор исторически сложившихся этических ценностей горского общества. В этом смысле ее гендерное, материнское «Я» равняется не ей самой, а тем надличностным законам и социальным нормативам, которые сформировались задолго до ее рождения. Матери «беглеца» даже в голову не приходит мысль выбраться из «социального кокона» и жить своей биологической и материнской жизнью.

В «Беглеце» Лермонтова «отец и два родные брата» черкеса Гаруна полегли «на поле брани» «за честь и вольность» – «И под пятой у супостата / Лежат их головы в пыли» [3, с. 253]. По неписаному закону гор, именно на Гаруна возлагалось осуществление справедливого акта кровной мести. Но молодой человек, который в силу своего эпического характера уже стоит на «новой ступеньке гуманизма», не живет по принципу «око за око, зуб за зуб».

«Бег» – это одно из кодовых понятий в символической системе рассматриваемой поэмы. Автор неоднократно использует эпитеты, метафоры и сравнения, давая характеристику желанию юноши дистанцироваться от поля битвы. Однако «бег» Гаруна в суггестивном плане означает преодоление не только «географического» расстояния, но и историко-культурного, цивилизационного. Это новый герой в горской среде, который своим «бегом» знаменует поворот от абсолютизации «войны» к мирным отношениям, от древних, сомнительных и деструктивных обычаев к взвешенным, разумным и милосердным формам решения социальных и политических проблем.

Специфику художественного конфликта в анализируемой поэме фактически задают два противоположных в идеологическом отношении лагеря – «новый» сын и «старая» мать. Новая, гуманистическая философия Гаруна приходит в столкновение со старыми, отживающими свой век взглядами, основной носительницей которых здесь выступает женщина. С гендерной точки зрения она высказывает не свое «природно-женское» мнение, отрекаясь от сына, а мнение мужского большинства, другими словами, «комбинацию» маскулинных идей, которые с рождения были интегрированы в ее сознание. Женщина убеждена, что горец, уклонившийся от мщения за своих ближайших родных, павших «за честь и вольность», заслуживает народного презрения. Она солидарна с теми мужчинами, которые объясняют побег молодого человека, сказавшего «прощай, оружие», трусостью и эгоистичным желанием спасения собственной жизни: «Гарун забыл свой долг и стыд; / Он растерял в пылу сраженья / Винтовку, шашку...» и «С кровавой битвы невредимый / Лишь он один пришел домой...» [Там же].

В момент, когда все племя, включая раненого друга и любимую девушку, отворачиваются от Гаруна, видя в нем «труса» и «предателя», он, как к последнему пристанищу, приходит к родной матери. Напряженный разговор между сыном и матерью составляет кульминацию всей поэмы:

«Мать – отвори! Я странник бедный,
Я твой Гарун! Твой младший сын;
Сквозь пули русские безвредно
Пришел к тебе!» [Там же, с. 255].

Отверженный и проклятый сородичами Гарун некоторое время еще сохраняет веру в благоразумие людей. В его представлении мать – высшая нравственная инстанция и абсолютный, безусловный оплот добра, с ней он связывает надежду на понимание и всепрощение. Но вместо материнских объятий он натывается на «холод» в ее глазах и серию беспристрастных вопросов. «А где отец и братья?» – спрашивает она. «Пали! – отвечает Гарун, – Пророк их смерть благословил, / И ангелы их души взяли». «Ты отомстил?» – вопрошает мать. И слышит: «Не отомстил... / Но я стрелой пустился в горы, / Оставил меч в чужом краю, / Чтобы твои утешить взоры / И утереть слезу твою...». Мать, мгновенно сопоставив услышанное с кодексом горской чести, бросает в лицо сыну свой беспощадный приговор:

«Молчи, молчи! гяур лукавый,
Ты умереть не мог со славой,
Так удались, живи один.
Твоим стыдом, беглец свободы,
Не омрачу я стары годы,
Ты раб и трус – и мне не сын!» [Там же, с. 256].

Общество, признающее только «абсолюты», не прощает мужчине даже малейшего промаха. Потому главный герой вынужден закончить свою жизнь самоубийством: «И наконец удар кинжала / Пресек несчастного позор... / И мать поутру увидала... И хладно отвернула взор. / И труп, от праведных изгнанный, / Никто к кладбищу не отнес, / И кровь с его глубокой раны / Лизал, рыча, домашний пес...» [Там же]. По художественной концепции поэмы, даже другой, загробный мир не принимает душу «беглеца», вынужденную скитаться в холодном бесприютном пространстве гор.

В чем причина столь суровой позиции повествователя? Почему автор так возвышает фигуру родительницы Гаруна? Неужели поэт-христианин Лермонтов считал кровную месть нравственно правомерной? Поэт, хорошо знакомый с ориентальными философскими учениями, знал, что традиционный ислам осуждает ее, так же, как и христианство, утверждая, что право вершить суд над человеком – только в руках Всевышнего. На наш взгляд, гиперболизированная поэтизация героической смерти и «алогичное» поведение матери объясняются условиями оборонительной войны, исторически predetermined представлениями о храбрости и героизме, трусости и предательстве как фундаментальных нравственных понятиях, отвечающих очень сложным, экстремальным условиям жизни горцев. Согласно традиционной нормативной культуре северокавказских горцев, Гарун в ситуации выбора между героической смертью или спасением собственной жизни без колебаний должен был выбрать смерть.

Именно этим нравственным императивом руководствуется и старая горянка, когда именует собственного сына, не пожелавшего самоотверженно умереть в неравном бою, «рабом и трусом». Возможно, сам Гарун и многие из современных читателей поэмы могли бы этой героине возразить: но ведь твой младший сын, прежде чем бежать с поля брани, «два дня» вместе с отцом и старшими братьями «бился в теснине» с превосходящими силами противника, а битву покинул, оставшись в живых один, что сделало бессмысленным его дальнейшее сопротивление врагу. И разве он не был обязан в этот момент, вспомнив свою престарелую мать, поспешить к ней, чтобы «утешить взоры и утереть ей слезы»? И не слишком ли была беспощадна к Гаруну мать, осудив его на позорную смерть и «хладно отвернув взор» даже от его бездыханного тела?

Правомерность и возможность подобных вопросов предчувствовал и сам автор «Беглеца». Однако это не помешало ему закончить поэму солидарностью не с Гаруном, а с его матерью. И в этом сыграл свою роль субъективный фактор произведения, т.е. нравственная художественная позиция самого Лермонтова, следовавшего в своей «горской легенде» логике законов гор.

Каждый этноколлектив, в зависимости от витально необходимых потребностей, конструирует определенные гендерные стереотипы, в частности, идеальные образы отца, матери, сестры, брата, жены, мужа, которые всеми возможными средствами устного народного творчества и профессиональной литературы культивируются, поэтизируются, и, в конце концов, прочно оседают в сознании людей. Как справедливо отмечают современные гендерологи, «конструирование гендера – это не только процесс и результат “встраивания” индивида в социально и культурно обусловленные модели мужественности и женственности, принятые в данном обществе на данном историческом этапе, но и любое дискурсивное воспроизводство гендерных смыслов» [2, с. 200]. Совершенно логично, что русский писатель, который обращает свой взор к северокавказским социально одобренным гендерным моделям, стремится их «дискурсивно воспроизвести» с максимальным сохранением аутентичного взгляда самих горцев на «должное» и «недолжное» в вопросах истинной женственности и мужественности, материнства и отцовства.

Примечательно, что автор «Беглеца» в итоге лирически поддерживает не отступника этого обычая, а его гонителей, самым суровым из которых он делает не традиционно главенствующего в горской семье мужчину (отца, деда, прадеда), а от природы бесконечно нежную к своим детям женщину-мать. Вот почему главным персонажем всего произведения у Лермонтова следует считать не малодушного Гаруна, а его безжалостную и социально активную мать – как символ бытия и жизнестойкости отдельной семьи и всего родоплеменного союза.

Парадокс заключается в том, что, даже создавая романтическую поэму, М. Ю. Лермонтов остается реалистом, поскольку гендерный статус изображаемого им образа северокавказской матери полностью соответствует требованиям горского общества XIX века. Вполне понятно, что народ, вынужденный день и ночь

обороняться от внешних врагов, мог в качестве «нормативной родительницы» утвердить только такую «мать», которая способна, не задумываясь, поставить социально-политические интересы своего этноколлектива выше собственных биологических инстинктов, чисто материнского эмотивного отношения к ребенку. Надо сказать, в произведениях северокавказского фольклора довольно типичным является образ воинственной матери, отрекающейся от сына-груса.

В этом обнаруживается выраженная интертекстуальная связь лермонтовских ориентальных поэм с аутентичными фольклорными памятниками чеченцев, ингушей, кабардинцев, карачаевцев, ингушей, осетин и других народов. Естественно, эта животворная интертекстуальная связь обеспечивается глубиной постижения М. Ю. Лермонтовым северокавказской действительности, этнографических особенностей региона, а также величайшим талантом русского художника.

Список источников

1. **Ашхотов Б. Г.** Традиционная адыгская песня-плач (гыъбзэ). Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2002. 235 с.
2. **Гендер в британской и американской лингвокультурах:** монография / Е. С. Гриценко, М. В. Сергеева, А. О. Лалетина, А. А. Бодрова, Л. Г. Дунышева; под общ. ред. Е. С. Гриценко. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА; Наука, 2012. 224 с.
3. **Лермонтов М. Ю.** Беглец // Лермонтов М. Ю. Избранные произведения. Л.: Лениздат, 1968. С. 253-256.
4. **Сабанчиева Л. Х.** Гендерный фактор традиционной культуры кабардинцев (вторая половина XVI – 60-е годы XIX века). Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.»; Издательский центр «Эль-Фа», 2005. 246 с.
5. **Скиба В. А., Чернец Л. В.** Художественный образ // Введение в литературоведение: учеб. пособие / под ред. Л. В. Чернец. М.: Высшая школа, 2004. С. 22-33.

**GENDER AS A SOCIO-CULTURAL CONSTRUCT
(BY THE MATERIAL OF M. YU. LERMONTOV'S POEM "THE FUGITIVE")**

Mankieva Eset Khamzatovna, Ph. D. in Philology
Lomonosov Moscow State University
aset.mankieva@mail.ru

The research of gender discourse of the Caucasian works of the Russian Romanticism writers of the XX century allows deriving the law of "masculinity" and "femininity" notions correlation with the needs of historical time. By the material of the lyrical-epic poem by M. Yu. Lermontov "The Fugitive" the author considers the image of a socially active, selfless and heroic mother, capable of suppressing her biological instincts in the interests of the ethnic collective. Particular attention is paid to the issues of the intertextual connection of Lermontov's poem with the folklore works of the North Caucasus peoples.

Key words and phrases: Russian literature; romanticism; Lermontov; North Caucasus; gender; mother image; socio-cultural construct; intertext.

УДК 316.77

В статье рассматриваются вопросы становления и основные особенности социальной журналистики Вьетнама. Актуальность определяется важностью тематики и проблемами, которые остро стоят перед вьетнамским обществом. Заметную роль в решении этих проблем играют вьетнамские СМИ. В реализации данной тематики есть своя специфика и уже некоторый опыт, который требует теоретического осмысления. До сих пор эта область исследования не изучена специалистами в сфере коммуникативистики. Автор работы делает попытку расширить ее научное понимание, исследуя специфику и механизм реализации социальных проблем вьетнамской прессой. Основной задачей этой статьи являются определение и характеристика социально-ориентированных СМИ Вьетнама, методов их деятельности в данном направлении и достигнутого опыта.

Ключевые слова и фразы: социальная журналистика; социальность; новость; проблема; интернет-газета; сеть; *Formosa*.

Нгуен Ван Тхиеу

Российский университет дружбы народов, г. Москва
nguyenthieu1990@gmail.com

СОЦИАЛЬНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА ВЬЕТНАМА: АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА

Сегодня социальную журналистику начинают понимать как возможность журналиста и журналистики участвовать в разрешении противоречивых ситуаций, возникающих в отношениях индивида и общества, населения и власти и т.д.; в расширении поля социальности. Предметом журналистского интереса выступает проблема, которая волнует общество, точнее – проблема, которая затрагивает жизненные интересы значительного количества людей. Считается, что социальное противоречие, чтобы стать проблемой, должно